

Свидание с Детективом

ОЛЬГА БАСКОВА
ВЕДЬМЫ ТОЖЕ
ИМЕЮТ ХОББИ

Ольга Баскова

Ведьмы тоже имеют хобби

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4833267
Ведьмы тоже имеют хобби : повесть: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-60486-9

Аннотация

Давно в Одессе такого не было – из колонии строгого режима совершают дерзкий побег двое заключенных. Один из них, рецидивист по кличке Косяк, получает смертельное ранение. По законам воровского мира перед смертью он завещает своему подельнику Тарасу Решеткину, более известному на зоне как Мальчик, отомстить за него знаменитому адвокату Шиманскому. Тот в свое время жестоко подставил Косяка и упрятал его за решетку... И вскоре оперативники Василий Семенов и Григорий Опарин начинают расследовать дело об убийстве адвоката. Казалось бы, все просто и очевидно. Но в ходе работы Семенов приходит к убеждению, что настоящий убийца вовсе не Мальчик и что смерть Шиманского не связана с местью бывшего зэка. Тут как раз всплывает одно давнее, в свое время на шумевшее дело, которое Опарин почему-то считал не заслуживающим внимания...

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Баскова

Ведьмы тоже имеют хобби

Пролог

Одесса, август 20... года

Июль – самое жаркое время в Одессе.

От беспощадных лучей солнца плавился асфальт, сохли листья, осыпались и хрустели под ногами, словно напоминая о том, что близится осень. В небольшом отделении полиции изнывали от духоты двое дежурных – лейтенант Василий Семенов, белокурый парень с круглым мальчишеским лицом, и капитан Григорий Опарин, высокий стройный мужчина с ямочкой на подбородке и с длинными ресницами, служившими предметом зависти многих женщин.

– Когда спадет эта проклятая жара? – неизвестно к кому обращаясь, процедил лейтенант. – Чаю хотите?

– Конечно, – не раздумывая, ответил Опарин. – А похолодает скоро, через месяц. Ты и ахнуть не успеешь. Будешь вспоминать лето с грустью.

– Как бы не так, – живо отозвался подчиненный. – Когда-то я с нетерпением ждал это время года. А сейчас? Разве моя работа позволяет прохладиться на пляже?

Григорий усмехнулся:

– Ну, я бы на твоём месте не жаловался. Сейчас ещё относительно спокойное время. Опытные люди говорят: случались годы, когда на дежурстве они не знали покоя. Убийства чередовались со случаями хулиганства и ограблений. Так что мы с тобой ещё неплохо устроились. Ты бы хотел не попивать чаек с печеньем, а любоваться трупом на месте преступления и выслушивать свидетелей?

– Однозначно – нет. – Василий подошел к столу, где стоял электрический чайник. – Вам покрепче?

– Как всегда.

Семенов вытащил из ящика пол-литровую банку:

– А это – клубничное варенье. Угощайтесь, мама делала.

– Благодарю.

Опарин надкусил печенье и поднес к губам голубую кружку с дымящимся напитком. Зазвонивший телефон помешал ему насладиться чаем.

– Да, да. Опарин. Слушаю. – Он с неудовольствием отставил блюдечко с вареньем. – И что она хочет? Ладно, давай её ко мне. – Он положил трубку на рычаг.

Семенов с удивлением посмотрел на капитана:

– К нам посетители?

– Да, какая-то баба.

– Надеюсь, хоть симпатичная?

Григорий скривился:

– А я надеюсь, что она не принесет нам плохую весть.

Послышался негромкий стук в дверь.

Капитан откашлялся и произнес:

– Входите.

Нарушившая их покой женщина средних лет не была ни красивой, ни уродливой. Обычно про таких говорят: серая мышь. Мелкие, не запоминающиеся черты лица, жидкие,

мышинного цвета, волосы, собранные в пучок на затылке, скромная одежда – нет, она не заставила сердца двух мужчин забиться сильнее. Опарин растянул губы в улыбке:

– Что случилось? Мы вас слушаем.

– Меня зовут Кондакова Лидия Михайловна, – запинаясь, отвечала незнакомка. – Я пришла к вам, потому что... – Она замолчала и нервно затеребила носовой платок.

– Продолжайте, – подбодрил ее капитан. – Да не волнуйтесь вы так. Вы ведь пришли за помощью, верно? А для того чтобы вам помочь, нам нужно во всем хорошенько разобраться. Рассказывайте.

– Я знаю, где спрятаны остальные богатства ювелиров, братьев Еликов! – выпалила посетительница и с испугом посмотрела на Опарина.

Тот наморщил лоб:

– Братьев Еликов? А кто это такие?

Кондакова растерялась:

– Вы о них не слышали?

Полицейские переглянулись и покачали головами:

– Нет.

Женщина развела руками:

– Это неудивительно. Вы такие молодые...

– Да? – в тон ей произнес капитан. – И насколько же мы молодые?

Лидия Михайловна с готовностью ответила:

– В двадцатые годы не было работника правоохранительных органов, кто не слышал бы о Еликах.

Мужчины вновь переглянулись. Григорий щелкнул пальцами:

– Вот здорово, гражданочка! А вы считать умеете? По моим подсчетам, получается, прошло уже восемьдесят с гаком лет. Думаю, это дело нас не заинтересует. – Он подмигнул сержанту, однако тот не заметил его жеста и обратился к Кондаковой:

– А почему вы решили прийти к нам? Действительно, с тех пор много воды утекло. И какое отношение имеете вы к этим богатствам?

На лбу женщины выступил пот. Она достала из сумочки платок:

– Моя бабушка была любовницей того Елика, которому удалось скрыться за границу. Оттуда он писал ей, где спрятана остальная часть ювелирных изделий. Я нашла это письмо в старой шкатулке.

Лицо Опарина отобразило недоверие:

– Думаете, ваша бабушка не воспользовалась наводкой любовника?

Лидия Михайловна покачала головой:

– Она страшно боялась. Младшего брата Елика расстреляли, и чекисты ходили за ней по пятам. Вдумай она забрать все себе, это тут же стало бы им известно. Она не хотела неприятностей для нас.

– А ваши родители?

Кондакова прищелкнула длинными пальцами:

– Я же сказала, она не хотела неприятностей! Вот почему моя мать ничего об этом не знала. Если бы бабушка поделилась своей тайной с ней, полагаю, мама заставила бы ее найти эти богатства, и мы бы не испытывали нужды. Но мать ничего не рассказала мне перед смертью. Согласитесь, она бы сделала это, будь все иначе.

– Ну, так о чем написано в письме? – спросил Семенов, нетерпеливо постукивая по полу носком ботинка.

Женщина хотела ответить, но Григорий остановил ее:

– Мой коллега еще сравнительно молод, а я уже опытный оперативник и могу вас заверить: мое начальство не станет заниматься письмом какого-то ювелира, смотавшегося из

страны еще в двадцатые годы прошлого века. Где бы ценности ни находились раньше, я не верю, что они лежат там и сейчас.

Лидия Михайловна растерялась:

– Можно проверить.

Опарин вздохнул:

– Милая дамочка, у нас масса нераскрытых преступлений и неопознанных трупов! Это гораздо важнее, чем ваши предположения. Повторяю – предположения, потому что прошло столько лет. Нет, вы зря потратили и свое, и наше время.

Женщина часто заморгала ресницами:

– Но...

Капитан взял ее за плечи и мягко подтолкнул к двери:

– Мой вам совет: идите домой и забудьте об этой ерунде. У вас наверняка есть семья, дети. Вот и занимайтесь ими.

– А письмо? – Она жалобно взглянула на Опарина.

– Сожгите его.

Кондакова постояла у двери несколько секунд, словно ожидая, что полицейские передумают, потом развернулась и вышла в коридор. Весь ее вид выражал возмущение. Василий сочувственно проводил ее глазами.

– Зачем вы так? – обратился он к Григорию. – Нам ведь ничего не стоило проверить эту информацию.

– И потратить драгоценное время?! – взвился Опарин. – Хочешь – беги, догоняй ее. Сам увидишь: полковник тебя за такие дела по головке не погладит.

– Ладно. – Семенов включил остывший чайник. – Давайте вашу кружку. Надеюсь, теперь нам никто не помешает выпить чайку.

– И я на это рассчитываю.

– А все же... – Василий не договорил.

Капитан со злостью прервал его:

– Знаешь, сколько подобных посетительниц осаждают отделения полиции? Одни стараются уверить нас, что знают нечто необычное. Другие просят отыскать пропавших животных. Они просто отвлекают всех от дел, которых у нас и без того полно. Пей чай и забудь о ней.

Одесса, август 2010

Полковник Константин Юрьевич Богомолов нервно расхаживал по своему кабинету. Надо же, не прошло и двух недель – и снова убийство! Не дай бог, «глухарь». Тогда прощай, долгожданный отпуск! А ведь еще вчера они с женой строили планы поездки на лиман, Вера уже договаривалась с подругой о снятии дачи на три недели. И вдруг – такое! Представив себе огорченное лицо супруги, он поежился. Ждешь, ждешь отдыха, и на тебе... Он заскрипел зубами и уставился на подчиненных:

– В ваших же интересах раскрыть это дело как можно быстрее.

Лейтенант Семенов сочувственно посмотрел на начальника. Его коллеги знали: полковник собирался в отпуск. Неожиданное преступление задержит его в отделе.

– Опарин, ты, как старший, постоянно докладывай мне обстановку. Надеюсь, виновников происшествия быстро поймут.

– Хотелось бы, – прошептал Григорий, вставая со стула.

Оперативка закончилась. Во дворе полицейских уже поджидала служебная машина, чтобы отвезти их на место преступления. Судмедэксперт, тридцатилетний высокий блондин Геннадий Иванов, взял капитана за локоть:

– Опять не повезло нашему начальству. Труп, причем не первой свежести.

Григорий скривил губы:

– Кто его знает... Может, дело пойдет как по маслу.

– Да брось, – отмахнулся Иванов. – Будто ты недавно в органах!

Мужчины вышли на жаркий воздух. От зноя плавился асфальт, и прохожие старались укрыться в тени акаций и каштанов. Василий дернул плечом:

– На море бы...

– Мы с женой вчера ездили... – отозвался судмедэксперт. – Поверь, никакого удовольствия. Водичка – градусов под тридцать. Даже не освежает. Приехали с пляжа, приняли ледяной душ и только тогда почувствовали себя людьми.

– И все равно, это лучше, чем собирать улики, – вздохнул Семенов.

– Не спорю.

Они уселись в машину, и служебный «уазик», пофыркивая, повез их в район Большого Фонтана.

Потерпевшая жила в добротном частном доме с небольшим неухоженным садиком. Пройдя через распахнутую калитку на участок, сыщики обратили внимание на вскопанные грядки. Возле грушевого дерева, сплошь усыпанного плодами, стояли деревянная лестница и ведро. Огромные груши падали на землю и гнили под палящими лучами солнца. Возникало ощущение, что хозяйка приготовилась собрать урожай, но в один прекрасный день почему-то махнула на все рукой.

Из одноэтажного дома с покрытой красной черепицей крышей вышел участковый, мужчина средних лет, с поредевшими рыжими волосами. Усыпанное веснушками лицо его выражало недоумение и страх. Он протянул оперативникам сильную загорелую руку:

– Капитан Степан Алексеевич Игнатьев.

Полицейские представились, и Игнатьев указал на дом:

– Она там.

Бледный участковый нервно теребил грязный бинтик на большом пальце.

– Что случилось? – поинтересовался Григорий.

У капитана задержалась щека:

– Вот такое происшествие... – Он словно не мог подобрать подходящие слова. – Мы думали... А она... Демьян ее нашел...

– Да говорите толком! – разозлился Опарин.

Мужчина лет семидесяти, одетый в майку и спортивные штаны, вышедший из-за дерева, собрался с духом и начал:

– Короче, когда Лида пропала, никто ничего плохого не заподозрил. – Он ежеминутно вздыхал и смахивал мутные капли пота, увлажнившие его верхнюю губу. – Вроде родственники у нее в Подольске живут. Перестала на улице появляться – значит уехала. Подруга ее тоже не беспокоилась. Хотя, тоже мне, подруга... Полгода прошло, больше, а она тревогу не бьет. А у Бессоновых собака вдруг принялась выть. Каждый день! У жильцов аж мурашки по коже... моя супруга и говорит:

«Ох, не к добру, Демьян, она так воет! Не иначе, покойник где-то... – Мужчина еще сильнее побледнел. – Уж я ей рот и заткнул: «Молчи, мол, дура! Я свой участок знаю. Какие тут покойники!» На следующий день зашел я к Бессоновым и говорю: «Вы собачку-то проверьте! Может, болит у нее что-то...» Ванька, то есть Бессонов, мне и отвечает: «Проверяли, Сергеич, здорова псина. А чего она воет – сам не пойму. Будто мертвечину чует!» Представьте себе, месяц целый она и выла. Жильцы попривыкли...

– Как обнаружили труп? – перебил его Григорий.

– Случайно. Проходил как-то мимо калитки Кондаковой и ногой в дверь легонько ударил. Сам не знаю зачем. А она возьми да и откройся! Признаться, у меня поджилки затряс-

лись, но я набрался храбрости и вошел. По тропинке к дому направился. А там все нараспашку. Я – в прихожую, в кухню... Зову ее. В ответ – тишина. Тогда я к телефону. Думаю, вызову полицию. Не иначе, Лидку ограбили! Вроде больших сбережений у нее отродясь не водилось, однако кража налицо. И тут нос мой запах уловил. Ну, вы понимаете... Я принюхался. Так и есть, мертвечиной несет. Я и прикинул, где смотреть надо. В погреб не спускался. Открыл крышку люка – а там она, Лидка! Я нашего участкового позвал. Благо, он на соседней улице живет.

Милиционеры подошли к погребу и закашлялись из-за нестерпимого запаха. Труп Конадковой пролежал там не один день. Эксперт Иванов вынул из своего вечного саквояжа респираторы и вручил их Опарину и Семенову:

– Надевайте. Без них задохнемся.

Они осторожно спустились вниз по деревянной крепкой лестнице. Хозяйка лежала возле шкафа, уставленного консервными банками. Взглянув на труп, Василий побледнел и схватился за стенку. Ему доводилось видеть покойников, но не разложившиеся трупы годичной давности. В эту минуту он желал лишь одного – поскорее покинуть погреб. Геннадий Иванов осматривал покойную без видимого отвращения.

– Мертва около года, да это и вы сами утверждаете, – сообщил он. – Точнее скажу после экспертизы. Причина смерти... Да вы все и так видите... – Он снял с вспухшей шеи женщины капроновый чулок. – Крикни санитаров, пусть уносят тело.

Оперативники с удовольствием вышли на воздух и сняли респираторы.

– Пойдемте в дом, – сказал Григорий.

Семенов и Опарин направились к месту преступления. Участковый следовал за ними, как тень.

– Вы знали убитую? – спросил Григорий, заходя в просторную прихожую.

Степан Алексеевич попытался улыбнуться:

– Это моя работа. Правда, не скажу, что часто с ней виделся. Лидия Михайловна – женщина тихая, порядок не нарушала, жалоб на нее не было.

– Лидия Михайловна?! – Это имя резануло слух лейтенанта.

– Ну да. Так покойную звали, Кондакову, – с готовностью подсказал участковый.

Василий почувствовал, как глаза его заливает противный липкий пот.

– Кондакова? Она же... – Опарин не дал ему договорить, больно ударив по руке.

– Вы ее знаете? – поинтересовался Игнатьев.

Семенов замотал головой:

– Нет, просто распространенные имя и отчество.

Полицейские вошли в гостиную, обставленную недорогой мебелью. По всему было видно: здесь что-то искали. Дверцы полированного шкафа сиротливо висели на петлях, одежда валялась на полу. Ящики секретера выдернули из ячеек, высыпав на пол их содержимое. На потертом ковре лежала большая черно-белая фотография в рамке.

– Лида, – подсказал Игнатьев.

Лейтенант поднес снимок к глазам и сразу узнал женщину, приходившую к ним в управление. Он перевел взгляд на своего коллегу и поразился: на лице Григория не отразилось никаких чувств.

– Она жила одна? – спросил он у Степана Алексеевича.

Тот кивнул:

– Как перст. Муж ее погиб на заводе: какой-то несчастный случай. Деток им бог не дал.

Лидия уже пятый год вдовствовала.

Опарин посмотрел на экспертов, и те кинулись собирать улики.

– В соседней комнате такой же разгром? – Капитан заглянул в спальню.

Преступники и здесь обыскали каждый угол. На широкой двуспальной кровати валялись книги с порванными страницами.

– Они искали письмо, – побелевшими губами прошептал Семенов. – ТО письмо... Это же наша давняя посетительница! Вы помните?..

Григорий ударил его по плечу:

– Молчи!

К ним подошел участковый:

– Соседей опрашивать будете? Ее подруга, Лилия Иосифовна Ефимцева, ждет у порога.

– Давайте ее сюда. – Полицейские вышли в прихожую.

Игнатьев скрылся за дверью и вскоре вернулся с высокой женщиной средних лет, со светлыми волосами, повязанными красной косынкой. Умными зелеными глазами она внимательно оглядела оперативников.

– Вы хотели меня видеть? – спросила она негромким приятным голосом.

– Вы подруга потерпевшей?

Лилия Иосифовна схватилась за дверной косяк:

– Лида мертва?!

– К сожалению.

– А я надеялась... – Ефимцева стала медленно оседать на пол.

Василий едва успел подхватить ее.

– Нашатырь! Живо! – крикнул Опарин.

Молодой судмедэксперт быстро подскочил к Лилии Иосифовне:

– Ее бы на кровать или в кресло...

– В комнату нельзя, – остановил его Григорий. – Тащите ее на веранду. Там свежий воздух.

В глубине участка заботливые руки хозяев соорудили маленькую беседку, увитую виноградом, склонявшим свои крупные, еще незрелые грозди над крышей. Посередине стояли самодельные стол и несколько стульев, выкрашенных зеленой краской. Оперативники усадили женщину на один из них. Постепенно она пришла в себя. Бледные щеки порозовели.

– Вам лучше?

Ее веки затрепетали, побелевшие губы раскрылись:

– Да...

– Вы готовы побеседовать с нами?

Она слегка наклонила голову:

– Спрашивайте.

– Вы близко общались с соседкой?

Женщина задумалась:

– Не знаю, как и ответить... Понимаете, когда был жив Лидочкин муж, Коля, они проводили все время вдвоем. Они не нуждались ни в ком, понимаете? Когда Коля так нелепо погиб, Лида стала захаживать ко мне. Но никогда не делилась со мной своими переживаниями и не поверяла секретов. Мы говорили на отвлеченные темы – о погоде, об урожае на участках, о борьбе с вредителями. Когда я навещала ее сама, Лиде это не нравилось. Ну, я и не забила тревогу... Простить себе не могу...

Григорий встал за ее спиной:

– В последнее время вы не замечали ничего странного в поведении подруги?

Ефимцева подняла брови:

– Мне кажется, она чего-то боялась.

– И в чем это выражалось?

Лилия Иосифовна повернула голову к Опарину:

– Соседка хотела поставить сигнализацию и поменять забор. Этот Лида считала ненадежным.

– Вы не спрашивали, чем вызвано такое ее желание?

Женщина вздохнула и пожала плечами:

– Она не говорила. Лида всегда переводила разговор на другую тему, если я слишком уж приставала к ней с расспросами.

– Понятно. – Капитан сел на стул напротив Ефимцевой. – К ней часто приходили гости?

Лилия Иосифовна усмехнулась:

– Никогда никто не приходил, и Лидия тоже не любила навещать знакомых. При мне ни один человек не переступал ее порога.

– Значит, вы ничего подозрительного не видели и не слышали?

– Нет.

– Тогда не вижу причин вас больше задерживать. – Опарин кивнул ей и повернулся к Семенову: – Кажется, на нашем отделе повиснет «глухарь». А ведь еще недавно жизнь была прекрасна и восхитительна! Закончили? – обратился капитан к экспертам.

– Закругляемся, – ответил за всех Геннадий.

– Ускоряйте темп.

Василий дотронулся до локтя коллеги:

– Никак не могу успокоиться... Она погибла из-за нас!

Григорий рассмеялся:

– Да что ты? С чего это тебе взбрело в голову?

На шее молодого офицера судорожно задвигался кадык:

– Если бы мы не отправили ее тогда... Ну, что нам стоило приехать и забрать то письмо?

Капитан заскрипел зубами:

– Во-первых, ее могли укокошить грабители, промышляющие в этом районе. Во-вторых, она наверняка кому-то проговорила о письме, и этот кто-то убил ее. Поверь, возле таких историй постоянно крутится какой-то криминал. Прошлое всегда напоминает о себе, хотя мы и не в ответе за своих предков. Однако не факт, что это злополучное письмо на самом деле существует.

– Но это – версия. – Глаза Семенова загорелись. – И мы должны доложить полковнику!

С лица Григория словно стекли все краски.

– Ни в коем случае! – прошипел он. – Ты поставишь нас в неловкое положение. Разве не понимаешь, нашему начальству необходим процент раскрываемости, и при удобном случае Богомолов обвинит нас в равнодушии и непрофессионализме. Тогда прощай, очередная звездочка! Не хочешь неприятностей – закрой рот на замок.

– Тогда мы с вами пойдем по следу сами! – пылко сказал Семенов. – Ничто не мешает нам выяснить, кто охотился за ее драгоценностями.

– Ты – идиот, – усмехнулся капитан. – Я, например, ничего выяснять не собираюсь, потому что не верю ни в какое письмо. Вот почему мы с тобой начнем заниматься делом! А не этой ерундой. И с этой минуты ты выбросишь этот бред из головы и станешь искать настоящего преступника.

Лейтенант вздохнул:

– Как скажете.

– Вот и молодец. Иди в машину. Иванов уже закончил. Нашел что-нибудь интересное? – обратился он к Геннадию.

Тот дернул плечом и почесал покрасневший от пыли нос:

– Отпечатков мало. Боюсь, все они принадлежат потерпевшей и ее соседке. Сейчас, кстати, забегу к ней.

– Надо было сделать это раньше, – нахмурился Опарин. – Вот теперь жди тебя!

– Я мигом.

Вскоре оперативники уже сидели в машине, направлявшейся в управление.

– Обедать пойдешь? – легонько толкнул Григорий подчиненного.

Василий замотал головой:

– Мать заставила меня взять пирожки с мясом. Хотите?

– Мне привычнее столовские обеды, – отказался Опарин. – Первое, второе и компот. Может, пойдешь с нами?

– Нет, я попою чаю.

– Ну, как знаешь.

«Уазик» затормозил у управления, и судмедэксперты во главе с капитаном отправились в лабораторию, намереваясь потом пообедать. Василий открыл кабинет Опарина и включил электрический чайник. От жары у него стучало в висках, но тем не менее он попытался проанализировать обстановку. Причина для этого преступления казалась очевидной. Кондакова говорила про спрятанные и до сих пор не найденные ценности каких-то Еликов. Их с коллегой все это не заинтересовало, и зря! Она поделилась своей тайной еще с кем-то, и преступник решил ликвидировать женщину. Выходит, мотив лежит на поверхности. Почему же Григорий не хочет об этом и слышать? Впрочем, ответ напрашивался сам собой. Если капитан расскажет полковнику о визите Лидии Михайловны, состоявшемся год тому назад, тот вовсе не придет в восторг и накажет своих подчиненных. Что же делать? Семенов потер влажные от пота виски. Выход только один. Пусть Опарин не занимается проверкой этой версии – он проработает ее сам. Да только справится ли он один? Попробует! Молодой человек сел к окну и придвинул чистый листок бумаги. Надо составить план действий. Итак, если преступник действительно нашел письмо с указанием места, где спрятаны ценности, то через некоторое время он попытается от них избавиться. Каким же образом? Конечно, понесет их к ювелирам или скупщикам краденого, возможно, он это уже и сделал. Следует поторопиться! Василий быстро встал и вышел из кабинета. Григорий, жмурясь после сытного вкусного обеда, вытирая платком губы, направился к нему:

– Ты не хочешь есть?

«Сказать или не сказать?» – мелькнуло в голове у Василия, и в последний момент он принял решение оставить все в тайне. Капитан слывет человеком очень упрямым, а значит, ни за что не разрешит ему работать в этом направлении.

– Григорий Викторович, можно мне отлучиться на полчаса? – Лейтенант невинными глазами посмотрел на начальника.

Тот нахмурился:

– Что случилось?

Семенов замялся:

– Да ерунда... Просто нужно.

Опарин кивнул и улыбнулся:

– Кто она?

Сам того не ведая, он подсказал лейтенанту выход из ситуации, и Василий ухватился за предоставленную возможность:

– Просто девушка. Она ждет меня у управления, ну, и мне неудобно...

Капитан снисходительно похлопал его по плечу:

– Иди. Ты мне пока не нужен. Только далеко не уходите. Скоро эксперты подготовят результаты, мы, в свою очередь, включим это в отчет и пойдем к полковнику.

– Конечно, спасибо.

Молодой человек выбежал из управления в августовский зной и помчался по улице. Он держал путь к старому ювелиру, Юлию Львовичу Магницкому, с которым уже давно работали его коллеги.

Юлий Львович Магницкий, восьмидесятилетний импозантный мужчина с седой гривой волос, делавшей его сухое длинное лицо чуть шире и скрадывавшей длину острого крючковатого носа, жил на Дерибасовской, в центре города, в трехкомнатной квартире, и считался одним из лучших специалистов не только в Одессе, но и во всем СНГ. Когда бывший могучий СССР еще не отдал концы, к Магницкому съезжались со всех республик. Все знали: если ты хочешь эксклюзив, лучше Юлия Львовича никто этого не сделает. Ювелир начал сотрудничать с милицией еще в шестидесятые годы прошлого века. Обладая острым умом, он пришел к выводу: помогаешь другим – помогут и тебе. И оказался прав. Магницкий закладывал своих коллег и не испытывал особых угрызений совести, а милиционеры закрывали глаза на некоторые сделки их проницательного помощника. Так он и держался – уже пятьдесят лет. Современные работники правоохранительных органов тоже обращались к нему за советами. Месяц тому назад Василий приходил к ювелиру вместе с Опариным проконсультироваться насчет одного кольца, найденного в квартире убитой женщины. Благодаря наводке Юлия Львовича они и нашли убийцу. Вот и сейчас, быстро шагая по раскаленному асфальту, Семенов надеялся, что Магницкий направит его на правильный путь.

Уже через двадцать минут он стоял возле двери, сделанной из дорогой древесины, и нажимал кнопку звонка.

– Минутку! – Маститый ювелир обладал оперным тенором. – Одну минутку!

Дверь открылась, но не полностью. Осторожный хозяин подстраховался, накинув цепочку. При виде Семенова его породистое лицо сморщилось:

– Вы из полиции?

– Хорошо, что меня еще помнят.

Немного подумав, Юлий Львович сменил сухое выражение лица на весьма доброжелательное:

– Прошу вас. Проходите. Обувь можно не снимать. Глаша после ужина моет полы.

После этого замечания Василий усмехнулся про себя и невольно сравнил холеного ювелира со своим дедом. Они практически были ровесниками. Только дедушка полицейского всю жизнь честно трудился на заводе, сначала мастером, а потом инженером. Очередь на квартиру подошла в тот момент, когда на чудо уже никто не надеялся. Семью из четырех человек поселили в двушке на окраине. И тем не менее они страшно обрадовались даже такому подарку... Как ювелиру Магницкому удалось очутиться в хоромы на Дерибасовской, оставалось только догадываться. Возможно, в настоящее время его гонорары позволяли отделать квартиру по последнему слову техники. Каждая комната, в том числе и прихожая, могла украсить своим изображением страницы журнала, пропагандирующего дизайнерское искусство и современные строительные материалы.

– Присаживайтесь, – Юлий Львович величественно указал на старинное кресло. Вполне вероятно, что когда-то в нем сидел Людовик Четырнадцатый. – Вы, как я понимаю, хотите со мной проконсультироваться?

– Именно так.

Ювелир наклонился вперед:

– Я вас слушаю.

– Вам знакома такая фамилия – Елики?

Магницкий вздрогнул:

– Елики? Очень любопытно! Полиция заинтересовалась делами давно минувших дней? Разумеется, я слышал об их деле. Что вы хотите знать?

Василий широко улыбнулся:

– Чем больше, тем лучше.

Юлий Львович откинулся на спинку кресла:

– Разговор будет долгим. У вас есть время?

– Наверно, раз я здесь, – отвечая на этот вопрос, Семенов подумал об Опарине. Он может позвонить в любую минуту, как только отчет будет готов. Им обоим нужно идти к полковнику. Что ж, если капитан прервет его диалог со стариком на самом интересном месте, ничто не помешает заглянуть к нему позже.

– Да. Я располагаю временем, – повторил лейтенант.

Хозяин поправил гриву густых серебряных волос:

– Прекрасно. Видите ли, я всегда испытываю дефицит общения. Современные клиенты не беседуют с Магницким. Они смотрят на него как на машину по изготовлению ценностей. Никто не желает знать, что у него на душе!

– А вы всегда готовы раскрыть душу? – сыронизировал Василий.

Ювелир покачал головой:

– Вот и вы смеетесь... А напрасно! Знаете, моя семья погибла в автокатастрофе двадцать лет тому назад. Раечка очень хотела водить машину. И надо же было такому случиться, чтобы они с Фимой, моим единственным сыночком, врезались в грузовик в первый же день после того, как она сдала на права! Не думайте, я далеко не всегда обращаюсь к знакомым для решения щекотливых вопросов. Раечка готовилась к экзаменам сама, и я не замолвил за нее и словечка. Это же очень опасно, когда на дороге неопытный водитель. И моя дорогая не виновата. За рулем другой машины сидел пьяный парень. И он остался жив. Без единой царапины! А я в одночасье потерял все. Вот вы смотрите на мою богато обставленную квартиру, думаете о моих доходах, а я все до копейки отдал бы тому, кто вернул бы моих близких. – В складках морщинистой кожи показалась слеза. Магницкий небрежно смахнул ее.

Лейтенанту стало невыносимо жаль этого человека, хотя он неоднократно слышал о совершенных им мошенничествах. Однако деньги не принесли ему счастья. Их было очень много, но жизнь потеряла для него всякий смысл. Василий закусил губу. А Юлий Львович, смутно догадываясь о его мыслях, взглянул парню в лицо:

– Не думайте обо мне. Вы ведь пришли по делу. Сейчас я принесу вам кружку моего фирменного чая с жасмином и потрясающе вкусное печенье. Пока вы будете наслаждаться всем этим, я расскажу вам о Еликах, хотя вам и трудно будет представить себе Одессу двадцатых годов...

В городе царили грязь, эпидемии, голод и холод. Спасти страну можно было только при помощи новой экономической политики. И действительно, Одесса словно помолодела. Строились и открывались новые магазины, восстанавливались разрушенные и возводились новые дома, в городских парках и скверах, приведенных в порядок, опять начали гулять жители города. «Жемчужина у моря» словно пробуждалась от страшного сна и принимала в свои объятия тех, кто покинул ее во время Гражданской войны. Но с расцветом экономики расцвела и преступность.

Это время напоминало девятностые годы... Соблазнов срубить шальные деньги открылось великое множество. Появились нелегальные игорные притоны, и местные и заезжие тузы с удовольствием просаживали бешеные деньги, нисколько не заботясь о завтрашнем дне. Ведь всем известно: никто никогда не дорожил быстро и нечестно заработанным капиталом. Воры, убийцы и ворюги советской партийной системы вместе просаживали добро, швыряли разноцветные бумажки на столы, покрытые красным сукном, и заразительно смеялись. Зачем жалеть явно не последние монеты! Впрочем, были и моряки, которым привезенная валюта жгла пальцы, и они усиленно старались от нее избавиться. Им помогали проститутки и авантюристы всех мастей. Девочки легкого поведения, разряженные, как экзотические бабочки, старались «развести» клиента если не на деньги, то на золотые украшения, и требовали купить подарок в модном ювелирном магазине, находившемся на Екатерининской улице. Небольшой магазин открылся совсем недавно и принадлежал знаменитой

фамилии братьев Елик – бывших купцов первой гильдии. Старожилы помнили их еще до революции. Тогда их фирменные заведения находились в центре Одессы и вначале специализировались на мануфактуре. В конце девятнадцатого века старший брат Ефим решил, что ювелирное дело принесет гораздо больше прибыли, переоборудовал магазины под ювелирные и вместе со своим братом-близнецом Исидором постарался сделать так, чтобы их клиентами стали солидные люди, желавшие приобрести у Еликов дорогие и модные украшения. Публика валила к ним валом. Людей встречали хорошо вышколенные любезные приказчики, понимавшие покупателей с полуслова, и «творческая бригада» талантливых и опытных мастеров. Не было на свете украшения, которого они бы не смогли изготовить. Посетителя провожали в прохладный кабинет, предлагали чашечку чая или кофе и раскладывали перед ним каталоги зарубежных фирм. Клиент уходил в полном восторге, оставляя в толстой книге, лежавшей на самом видном месте, хорошие отзывы. Елики с удовольствием демонстрировали благодарности в их адрес от именитых особ. Итак, все складывалось удачно, и братья процветали. Но однажды грянула революция, и Елики справедливо рассудили, что за границей им будет спокойнее. Они закрыли магазины и исчезли в неизвестном направлении.

Шло время, о Еликах стали забывать. И, как оказалось, зря! Наступил двадцатый год, и благодаря новой экономической политике в город у моря потянулись его прежние жители, нашедшие приют на иноземных берегах, но тосковавшие по родной земле. В двадцать первом вернулись и Елики. Старший, Ефим (он родился раньше Исидора на несколько минут), низенький, толстенький, рыжеватый, нисколько не изменившийся за время, проведенное на чужбине, вдруг откуда ни возьмись появился, как призрак прошлого, на Екатерининской, где когда-то он заправлял своим любимым детищем. Сунув руки в карманы, он придиричливо осматривал здание, и на его веснушчатом лице играла довольная улыбка. Разруха и война не тронули нужный ему дом. Первый этаж по-прежнему ждал желавших продолжить дело коммерсантов. Ефим не собирался медлить с открытием. Он тотчас сообщил брату о своем решении, и вскоре Исидор, такой же рыжий и веснушчатый, похожий на старшего брата, как две капли воды, бродил с ним по Екатерининской.

В общем, братья открыли магазин и сделали все возможное, чтобы торговля пошла и стала оживленной. А потом они расширили дело. И все было бы благополучно, если бы не одна история. В одесские ломбарды и скупки начали обращаться жительницы Одессы. Они сдавали золотые изделия и хотели получить за них явно больше их цены. Работники ломбардов и скупок уверяли: товару – грош цена. Низкопробное золото, поддельные камни... Женщины устраивали скандалы, и неудивительно: они ведь приобретали все у Еликов! Их клиенты еще не знали, что братья открыли целый синдикат по производству подделок. Настоящими были только клейма. Поскольку брошки и кольца такого качества с каждым днем наводняли скупки, работники решили обратиться в прокуратуру. За дело взялся следователь ОГПУ Иван Тимкин. По решению прокурора следственной группой были проведены проверки ювелирных магазинов на Канатной, Ришельевской и Екатерининской улицах. Однако никто ничего не обнаружил. Документация пребывала в полном порядке, и Елики вели себя уверенно и нагло. «Как – такие недоразумения в наших заведениях? Нам всегда записывали одни только благодарности за прекрасные покупки! А если среди наших людей завелся негодяй, обманывающий честных тружеников, мы разберемся с ним и предадим в ваши руки», – вещали они. Эксперты провели выборочный химический анализ изделий, которые выставлялись на продажу, и обнаружили: в магазине на Канатной два женских кольца имели завышенную пробу. Товар изъяли на глазах у изумленных продавцов и отдали в лабораторию. Результаты экспертизы показали: металл, из которого изготовлены кольца, – более низкой пробы, чем указано на самих изделиях и в документах. Кроме того, выяснилось: эти колечки изготовлены кустарным способом. То есть не на фабрике, но тем не менее на очень высоком профессиональном уровне. Как и штампы их пробы.

Мягкий голос Юлия Львовича убаюкивал. Василий не заметил, как наступил вечер. Коллеги его не беспокоили, и он почти целый день провел в гостях у старого ювелира. Василий пошевелился, и хозяин участливо наклонился к нему:

– Устал, голубчик?

– Нет, – искренне признался сыщик. – История захватывающая! Жаль, что мне надо еще наведаться в отдел. Но завтра я к вам обязательно зайду, и вы расскажете мне о дальнейших событиях.

Ювелир кивнул:

– Конечно. Буду ждать.

Когда за молодым человеком захлопнулась дверь, Юлий Львович с тоской проговорил, глядя в окно на вечернюю улицу:

– Печально, что у меня нет писательского таланта.

Вор Тарас Решеткин по кличке Мальчик сидел на нарах и озабоченно чесал в затылке. Он впервые мотал срок в колонии строгого режима. Все прошлые его поступки по сравнению с последним казались детской шалостью. Тарас с детства твердо решил для себя: он – особенный. И корячиться, работать, как мать, не собирается. К слову, мать его работала старшей медицинской сестрой в больнице и, потеряв мужа, скончавшегося от инсульта, в одиночку поднимала двоих детей – его и старшую сестру Василину. Женщина брала все ночные дежурства, подрабатывала сиделкой... Однако денег все равно не хватало. Окончив школу, Василина сначала пошла работать, потом поступила на заочное отделение в институт, на факультет ландшафтного дизайна. Тарас несколько не жалел родных и принимал их помощь как должное. Следует добавить, что он их и не уважал. Ну чего его мать добила в жизни? Крохотной однокомнатной, плохо обставленной квартиры? Нищенской зарплаты? И никакого просвета на лучшее будущее. Впрочем, может, ничего другого она и не желала. Евдокия Михайловна выросла в другое время, без компьютеров и мобильных, как на грех, все усовершенствующихся и усовершенствующихся. Над ней не смеялись одноклассники, когда видели телефон донельзя устаревшей модели. Наслушавшись их насмешек, Тарас в один перекрасный день решил: с него достаточно! И украл самый дорогой сотовый у соседа по парте, сыночка преуспевающего банкира. По мнению Тараса, парень был сам виноват: нечего выпячивать свое богатство. Повезло тебе с родителями – и сиди тихо. А если постоянно тыкать всем в нос дорогими вещами, за это неминуемо придет расплата. В тот раз расплата вора не настигла. Сын банкира не помнил, где он мог потерять телефон. Заботливый папаша приобрел отпрыску другой – и все остались довольны. Решеткин через два дня загнал мобильный по бешеной цене и купил себе другой, чуть хуже краденого. Не мог же он разгуливать с ворованной вещью по школе! То, что ограбление легко сошло ему с рук, вызвало у паренька легкую эйфорию. Тарасу стало казаться: он безумно ловок! Мальчик без зазрения совести лазал в кошельки и сумки одноклассников, пока однажды прыщавая Светка Лобода не схватила его за руку. Это было неприятнее всего. Отец Светки работал в прокуратуре. И на парня завели уголовное дело. Мать металась, как пойманная в силки птица, в поисках хорошего адвоката, и так и не поняла, бедная: где ж его, хорошего, найти, когда за душой нет ни гроша. Даже общественный защитник прозондировал почву – а нельзя ли выудить у медсестры хоть сколько-нибудь денег? Убедившись, что нельзя, он махнул рукой и пустил дело на самотек, дав, правда, Тарасу несколько полезных советов: со всем соглашаться, просить прощения у пострадавших и каяться. Тарас выполнил его рекомендации на пять с плюсом. Но на суде всплыли все кражи, и судья все равно вкатил ему четыре года. Мальчик отправился в колонию для несовершеннолетних. Позже Решеткин понял: это была еще не самая плохая колония. Начальник заботился о быте заключенных. Их не кормили бурдой, учителя и воспитатели добросовестно учили их всем предметам, классы оборудовали по последнему слову техники. Однако у персонала этого заведения не было того, по

чему так тосковали пацаны – любви и уважения к оступившимся мальчишкам. Наверное, эти люди постоянно помнили: они учат и воспитывают преступников. И от этого возникало скверное чувство – постоянное осознание, где именно ты находишься. Свидания с матерью и сестрой только бередили парню душу. Вот они пришли к нему, принесли много вкусной еды, смотрят на него с жалостью, но через полчаса уйдут из этих стен. Уйдут на свободу. А он останется с такими же несчастными. Время шло, однако Решеткин не осознавал своей вины. Возможно, потому, что он сблизился с парнями, не желавшими начинать другую жизнь после отбывания срока.

– Нас научили работать на станках, – разглагольствовал Петька Мамонтов. – А зачем? Неужели эти придурки думают, что я устроюсь на завод и буду пахать от смены до смены?! Не дождутся!

– Куда же ты подашься? – интересовались сокамерники.

– Продолжу воровскую карьеру, – не моргнув глазом, отвечал мальчик. – Мне еще многое предстоит освоить. И потом, я хочу всего и побыстрее. А этого честным трудом не получишь.

– Поймают и посадят в колонию строгого режима, – пискнул Сашка Петров.

– Не поймают, – заявил Петька.

Как сложилась судьба этого отчаянного парня, мальчик не знал. Выйдя на свободу, он больше никогда не видел друзей по колонии. Мать и сестра встретили его с распростертыми объятиями и целый вечер просили встать на путь истинный. Тарас кивал головой, говоря про себя: «Как же, дождетесь!» Решеткин устроился работать грузчиком, чтобы иметь хоть немного карманных денег, и в то же время изучал обстановку. Как же быстро и безболезненно разбогатеть? На свое несчастье, он встретил девушку Милу, прекрасную, как агнел, с белокурыми волосами и голубыми глазами, ну, натуральную Барби, которая была одержима теми же мыслями. Правда, в силу отсутствия образования и хорошей работы (Мила трудилась на почте) осуществить их она никак не могла. Богатые мужчины почему-то не хотели на ней жениться, и девушка никак не могла понять – что в ней не так? Когда Тарас объяснил ей: Золушки бывают только в сказках, она приуныла:

– Значит, другим остается вечно разгребать дерьмо?

Именно эту фразу Решеткин и мечтал услышать:

– Я тоже думаю об этом. Давай объединимся!

Мила не возражала. У ее нового дружка не так уж все плохо было. Тарас получал хорошую зарплату, работая в фирме, однако время грузчиков, вечно пьяной братии с плавленым сырком, с соленым огурцом в кулке, с поллитрой в подсобке, давно прошло. Предприниматель хотел работников нового типа, претенциозно обозвав их «комплектующими склада». Дела у него шли хорошо. Товары постоянно подвозили на машинах, и Тарас надрывал спину.

– Все. Больше не могу, – заявил он однажды Миле. – Не лучше, чем житуха в колонии! Давай думать, как обувать лохов.

Долго они не кумекали. В одном деле – искусстве любви – девушке не было равных. Парочка решила: Мила выйдет на трассу, будет ловить богатых клиентов, а, оказавшись в салоне дорогой машины клиента, непременно поинтересуется: имеется ли у него штамп в паспорте. После сеанса занятий любовью из кустов вынырнет Тарас и станет бить мужиков посильнее, во всяком случае, чтобы те на время отключились. И тогда подельники хорошенько пощипают незадачливого клиента. Оба были уверены: в милицию жалоб не поступит. Женатый человек не захочет, чтобы об этом случае узнала его семья.

Сначала у них все получилось. Четверо обчищенных клиентов заявлять никуда не побежали, а вот с пятым им не повезло. Им оказался очень крепкий мужик с бычьей внешностью, который от удара Решеткина не потерял сознание, а ухитрился выбраться из машины и дать парню сдачи. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы Мила не сунула в руку любов-

ника пустую, брошенную кем-то бутылку из-под шампанского. Тарас огрел противника по голове – и не рассчитал силы удара. «Бык» грянулся навзничь и сильно ударился виском о камень. Кровь полилась на его белоснежную рубашку.

– Ты убил его! – заорала Мила. – Сматываемся!

Домчавшись до ее коммуналки, они затаились, как мыши в норе, в ожидании прихода милиции. Тарас пытался успокоиться сам и успокоить поделницу:

– Они нас не найдут. Они о нас ничего не знают.

Но их нашли. Мужик выжил – чудом! – и дал показания. Парочку поймали и посадили в СИЗО. Мила забросала Тараса жалобными письмами. Она писала, что ждет от него ребенка, что не хочет рожать в неволе. Пусть ее любимый все возьмет на себя, а она останется ждать его, сколько понадобится. В тюрьме ему будет спокойнее, если он станет думать: на воле у него есть жена и ребенок. Тарас почесал затылок и согласился. В конце концов, наверное, Мила права.

– Рожай и жди, – написал парень в ответ и на очередном допросе у следователя накинул себе еще несколько лет, заявив: девушка не хотела участвовать в этой афере. Он якобы принуждал ее силой и угрожал порезать ее лицо ножом.

Следователь, мужчина уже довольно пожилой, не поверил новым показаниям. Он понял, что за девка Мила, как только взглянул на нее. Но ничего не попишешь: теперь у него имелись показания, подписанные подследственным. Общественный адвокат тоже махнул на Тараса рукой, бросив в сердцах:

– Дураком родился – дураком и помрешь!

На суде Решеткин полностью признал свою вину. Мила старалась не смотреть ему в глаза. Девушка все равно схлопотала срок, два года колонии общего режима, а Тарас по кличке Мальчик отправился в ИТК строгого. И, начиная с первого дня, стал ждать писем от любимой девушки. Он молча сносил побои и издевательства других зеков, потому что где-то там была его единственная и готовился появиться на свет его ребенок. О том, что Мила его обманула, у него не появлялось и мысли. Более того, Тарас порвал бы любого на клочки, кто о таком заикнулся бы. Однако время шло... Решеткин начал волноваться. Впервые на одном из свиданий он заговорил с сестрой не хамским, а просительным тоном:

– Василина, узнай, как там Мила?

Сестра прищурилась:

– Ты еще о ней думаешь?

Тарас заискивающе улыбнулся:

– Она там одна, беременная. И я ее люблю.

Василина вздохнула:

– Ну, ладно.

Ее следующего прихода он ждал, как манны небесной.

– Ну, что?

Сестра развела руками:

– Говорила я тебе: аферистка твоя барышня! Беременность ее, видать, сама собою сосалась. Молодому охраннику глазки строит. О тебе и словечка не молвила. Это из-за нее ты все взял на себя?

Он опустил голову. Василина продолжала хлестать по больному:

– И набавил себе срок?

Тарас не ответил. Однако сестра все поняла:

– Ты сломал не только свою жизнь, брат! Мать сильно болеет. Я уж и не знаю, дождется ли она тебя.

Решеткин смущенно отвел глаза. Впервые за долгое время ему стало стыдно перед людьми, которые его любили:

– Дождется. Я здесь не пропаду. Это в фильмах показывают всякие ужасы. А у нас здесь и начальство, и заключенные – что надо.

Он подмигнул сестре на прощание.

В тот же вечер его сильно избили сотрудники колонии. Пришел и его черед стать для них козлом отпущения.

– Ты еще не проходил через наши воспитательные мероприятия, – прошептал ему на ухо старший лейтенант с большим щербатым ртом. – Но это дело поправимое... Раздевайся...

Тарас затрясся:

– Я не понял...

Лейтенант поглядел на коллег, и те загоготали:

– Ты не целка, снимай с себя все! – подсказал ему старшина с красным носом.

– Но...

Они угрожающе двинулись на него:

– Хуже будет!

Решеткин решил не рисковать и торопливо стащил робу.

– А теперь – на колени, – приказал старлей.

Тарас закусил губу и опустился на колени. Прикосновение к ледяному полу вызвало дрожь во всем теле.

– Ползи сюда, – скомандовал старшина и швырнул ему резиновую палку. – Фас! Бери ее ртом – и неси ко мне.

Решеткин послушно выполнял все команды. Он надеялся: им скоро надоест, и они отпустят его. Однако мучители только расходились:

– Теперь ты покатаешь нас, лошадка.

Они по очереди ездили на его отощавшей спине, а под конец, когда колени Тараса превратились в кровоточившее месиво, старшина нахлобучил на его голову урну с мусором.

– На сегодня мероприятие закончено.

Для пущей убедительности они стукнули его по лицу и поддали пинка. В тот вечер Тарас предстал перед сокамерниками избитым, униженным, с окровавленными губами и разбитым носом. Яйцеголовый Игнат, уже давно нацелившийся на койку Решеткина, нагло усмехнулся. Тарас понимал: если бы не его первая отсидка, пусть даже в колонии для малолеток, ему бы пришлось совсем туго. В тюрьме вообще туго. Здесь вам не курорт! Решеткин давно вывел это сравнение – заключенных с крысами, – и это ему понравилось. А ведь действительно, находясь на свободе, крысы редко нападают друг на друга, но если животных засунуть в одну тесную бочку, они начинают убивать и пожирать себе подобных. То же самое происходит и с людьми – и в тюрьме, и любом другом тесном, принудительном коллективе, откуда нельзя уйти при первом желании. В армии, в больнице с принудительной изоляцией, в таежной экспедиции, на борту корабля дальнего плавания... Такова уж природа и крыс, и людей. И те и другие, к сожалению, – хищники.

Кроме того, парень постиг еще одну уголовную премудрость: что может остановить эту запертую в бочке стаю крыс от пожирания другой крысы?

Только одно. Намеченная к коллективному пожиранию крыса должна не пугаться своих пожирателей, а сразиться с ними – не на жизнь, а на смерть. В таких условиях страх губителен. И ни в коем случае нельзя показывать испуг, а не то тебе конец. Ты должен быть готов умереть, чтобы выжить. Значит, нужно бить на поражение, потому что эти людишки ничем от крыс не отличаются. Инстинкт самосохранения обязательно сработает. Все хотят жить, и притом отнюдь не беспомощными инвалидами. Это сначала они строят из себя бесстрашных, на самом же деле они – трусливое дерьмо. Решеткин, впрочем, отдавал себе отчет,

что самому на рожон лучше не лезть. Однако сегодня, увидев эти ухмыляющиеся физиономии, он догадался: столкновения не избежать. Игнат медленно встал с нар и подошел к нему:

– Нашего Мальчика, кажется, потрепали?

Тарас вскинул голову и смело посмотрел ему в глаза:

– Я неудачно упал с лестницы.

– Даже знаю, с какой. – Яйцеголовый залился смехом, раскрыв широко свой щербатый рот. Ему вторили остальные. – Сегодня, чую, нам что-нибудь перепадет.

– Чего ты хочешь? – Решеткин подошел к нарам и сел на койку.

– Пообщаться с тобой. Я запал на твою кроватку. По-моему, она самая удобная. Забирай шмотки и иди в угол, на верхний этаж.

Мальчик посмотрел через плечо на Игната. За спиной зэка сгрудились его приятели.

– Делай, что тебе говорят!

– Да пошел ты!

– Что?! – Над головой парня занесся кулак.

В голове Тараса вновь завертелась мысль: будешь бояться – тебя растопчут до конца и отнимут все, оставив тебя на всю жизнь сломленным, растоптанным моральным и физическим уродом. Пр продемонстрируй этим гадам готовность умирать и убивать!

Честь дороже жизни!!! Твоя честь – это единственное, что у тебя остается в тюрьме, это единственное, за что надо бороться.

Он издал боевой клич и ударил Игната в лицо. Тот отлетел в другой конец камеры и дико заорал. Этот звериный крик подействовал на заключенных, как команда убивать. Они нависли над Мальчиком, и он почувствовал их тяжелое, несвежее дыхание.

«Умирать – так умирать», – подумал Решеткин, изготавившись к драке.

– Оставьте его!

Со своих нар поднялся убеленный сединами зэк по кличке Косяк. Мальчик знал: его настоящие имя и фамилия – Косяков Игорь Иванович. Опытный медвежатник, отбывающий срок за вооруженный грабеж. Тарас давно осознал: Косяк здесь главный. Его бояться и слушаются все.

– Чего навалились все на одного?

Гул стих сам собой. Парни замерли.

– Еще раз такое повторится – уши оборву!

Решеткин понял: гроза прошла. Ему уже нечего опасаться за свою жизнь. Похоже, Косяк решил встать на его защиту. Хорошо бы с ним подружиться. Но имеет ли он на это право? Косяков сам ответил на этот вопрос. Он сел рядом с дрожащим от возбуждения Решеткиным и похлопал его по вздрагивавшему плечу:

– Все позади, парень. Тебя никто не тронет. Ложись и спи.

Тарас последовал его совету и провалился в беспокойный сон.

Проснулся он лишь в семь часов утра, когда баландеры (заключенные, отбывающие срок и работающие по хозяйственному обслуживанию тюрьмы) привезли завтрак – кашу и хлеб. Сокамерники уже заваривали крепкий чай в ожидании утренней поверки. Вскоре пара тюремных чинов открыла дверь камеры, и все заключенные вышли в коридор. Их пересчитали по головам, сверили со списком и завели обратно. Поверка закончилась, все готовились к работе. Чуть позже их развели по цехам: заключенные изготавливали шарикоподшипники. Решеткин трудился в поте лица. Он надеялся на условно-досрочное освобождение. Косяк большей частью стоял у стенки, и никто не гнал его к станку. Поймав взгляд Решеткина, рецидивист подмигнул ему, и парень почувствовал: между ними установилась незримая связь. За обедом его догадки подтвердились. Косяков легонько стукнул его по спине и прошептал:

– На прогулке поговорим.

Тарас ждал этого часа с нетерпением.

И когда конвоир спросил: «На прогулку идете?», он отозвался громче всех:

– Конечно, идем!

Минут через пять дверь открылась, и «старшой» сообщил по рации такому же конвоиру-вахтеру, стоявшему на этаже, где располагались прогулочные дворики: к нему из такой-то камеры идут заключенные.

Раньше Тарас никогда не думал, что прогулочные дворики находятся на верхних этажах тюрем. Но заключенные радовались и этому. Все же можно было глотнуть свежего воздуха – запаха той, вольной жизни. Оставшиеся за колючей проволокой сокамерники, весело переговариваясь, подходили к дежурному конвоиру и терпеливо ждали, когда он пересчитает их, запишет на бумажку и выпустит в прогулочный дворик – такую же тюремную камеру, с той же металлической дверью, теми же стенами со всех сторон, бетонным полом и решеткой вместо потолка. В трех метрах над решеткой матово поблескивала металлическая крыша. А между решеткой и потолком витал настоящий свежий воздух, воздух воли.

– За что тебя замели? – поинтересовался неслышно подошедший к Мальчику Косяк. Тот нервно глотнул:

– За глупость.

– А точнее?

Решеткин знал еще одно тюремное правило – фильтровать базар, то есть следить за каждым своим словом. Кое-что он усвоил в малолетке и в любых разговорах старался не говорить вообще о ком-либо что-то плохое. Тюрьма – это место, где люди круглыми сутками находятся в тесном общении и в конце концов все обо всем друг другу рассказывают. Все плохое передавалось в преувеличенном виде, часто вспыхивала вражда. В ИТК строгого режима он заметил: опытные эки ни с кем не откровенничали о былой жизни, своих занятиях и увлечениях, на вопросы отвечали односложно и никогда не хвастались. Хвастовство здесь расценивалось как способ возвыситься за счет унижения других и поэтому не приветствовалось.

И все же Тарас впервые за долгое время излил душу Косяку. Тот слушал внимательно и посмеивался:

– Действительно, по глупости сел. А чего бы тебе сейчас хотелось?

Решеткин, ругая себя последними словами, все же откровенно ответил:

– Увидеть Милу и узнать, как наш ребенок. Я думаю, она все же родила.

Стальные глаза Косяка просверлили его, как буравчики:

– Хорошо, я постараюсь исполнить твоё желание.

– А как ты здесь очутился? – рискнул спросить Тарас, но тут конвоир заорал:

– Прогулка окончена. – И все поплелись в камеру.

Рецидивист махнул ему рукой:

– В следующий раз.

Тарас ждал следующего раза с нетерпением, бóльшим, нежели приезда матери или сестры. Когда они вновь очутились в тюремном дворике, Косяк взял его за локоть:

– Ты хотел кое-что узнать. Мне тут доложили... Обманула тебя твоя краля. Ребенка она не ждала. А тебя, видать, просто утопила. Кстати, Мила скоро выйдет. О тебе она никогда не вспоминала.

– Гадина! – Решеткин сжал кулаки.

– И что ты намерен делать?

– Отомщу змее. – Мальчик кусал губы.

– А я бы на твоём месте плюнул и растер, – заметил опытный эк. – Подумай, она тебя попросила все взять на себя. Но не заставляла. Ну да, изобрела такой способ выкрутиться. А

что ей, бабе, еще оставалось? К тебе с ножом к горлу никто не подступал. Это твое решение. И потом... Ну, как ты ей собираешься мстить?

Мальчик глотнул:

– Завтра попрошусь на беседу со следователем и выложу ему всю правду.

– А он тебя и слушать не будет. Дело закрыто. Подожди. – Косяк сжал его руку. – У меня к тебе предложение. Раньше ты брал по мелочовке. Хочешь заработать по-крупному?

– Как это?

Косяк заложил руки за спину:

– Ты спрашивал, как я здесь очутился. Представь, меня тоже подставили.

Решеткин открыл рот от изумления:

– Тебя?

– Да.

– А кто же...

– Гад один, – прошептал вор. – Я ему цацки достал, стоящие огромные деньги, чуть на мокруху не пошел! Все его дружок сделал, я только сейф вскрыл. В сейфе письмо хранилось с указанием координат, где цацки спрятаны. Ну, естественно, мы их потом отыскиали.

Тарас слушал, затаив дыхание:

– А дальше?

– Драгоценности – кольца, браслеты, броши – в двадцатые годы заменили фальшивками в магазинах братьев Еликов, – продолжал вор. – На них сохранились бирки. Этот гад сказал нам, что милиция тоже ищет сокровища и каждый ювелир Одессы предупрежден о них. Если мы вздумаем сдать золото в ломбард, нас тут же возмут. Надо вывезти его за границу и там продать. – Косяк вздохнул. – Я в этом деле темный человек, а он все-таки адвокат. Ну, и поверил я ему – и попался на подставу.

Косяк закрыл глаза, и вся картина того безрадостного дня возникла перед ним, словно это произошло вчера...

– Для того чтобы все вывезти за границу, нам потребуются деньги, – разглагольствовал адвокат, Борис Михайлович Шиманский, импозантный мужчина средних лет с чуть раскосыми черными глазами и волнистыми темными волосами. – Их необходимо достать. Какие будут предложения?

Косяк и второй поделник молчали. Шиманский щелкнул длинными пальцами:

– Мне на днях рассказал приятель, работающий в банке... Есть одна фирмочка, которая при доставке денег игнорирует требования Нацбанка. Вместо бронированного автомобиля они везут их на разбитом «жигуленке». В банк едут всегда двое – кассир, пожилая тетка. Божий одуванчик и сопливый охранник. Эти двое ничему не обучены. Правда, у парня имеется пистолет, но – травматический.

– Им тоже можно убить, – вставил Косяк.

Борис Михайлович кивнул:

– Да, если кто-то окажется дураком и подставит лоб. Мы снабдим тебя настоящим пистолетом.

Вор поморщился:

– Я никогда не убивал.

– А тебе и не потребуется, – заверил Шиманский. – В прошлом месяце я разведал обстановку. Эта контора находится за магазином «Метро», в только что построенном коттедже. Кругом – пустырь, и стоит брошенный дом. Охранник оставляет машину у дверей и заходит в помещение. А тетка еще некоторое время ждет его у порога. Стоит только показать ей пистолет, и она без звука отдаст дипломат с деньгами. Решайся. От этого зависит, как скоро мы станем богатыми людьми!

Косяк почесал в затылке:

– Что-то больно все гладко...

– Потому что они – идиоты!..

Теперь вор ругал себя последними словами. Ведь он же был достаточно опытным, чтобы понять: пахнет жареным. Долгими тюремными ночами он грыз подушку и находил для себя одно-единственное оправдание: хотелось наконец распоряжаться большими деньгами. Вот почему, когда в разговор вступил второй поделщик, Косяк сдался. Вместе с Шиманским они развели тот район, адвокат вручил ему пистолет и еще раз проинструктировал:

– Ничего не бойся. Возьмешь бабки – прыгнешь в мою «Ауди». Я припаркую ее у центра.

В назначенный день вор стоял у здания фирмы, поджидая бухгалтера и охранника. Когда у дверей затормозил невзрачный «Жигуленок» и из него вышли женщина и парнишка, он улыбнулся: все шло по плану. Охранник вошел в помещение. Бухгалтер осталась одна, и Косяк подбежал к ней и сунул пистолет под ребра:

– Гони деньги!

То, что случилось потом, не снилось ему и во сне. Тетка – божий одуванчик – провела мастерский прием дзюдо, и через секунду вор лежал на земле без сознания. Он очнулся лишь в КПЗ, где ему сразу предъявили обвинение. Косяк попросил телефон и позвонил Шиманскому. Тот приехал только на следующий день и безапелляционно заявил:

– Я постараюсь вытащить тебя отсюда. Но учти: у нас много своих людей в тюрьме. Если раскроешь рот – тебе не жить.

Услышав это, вор приуныл. Он понял: ни о каком выходе на волю в ближайшие годы нечего и мечтать. Его подставили, чтобы засадить за решетку. Ведь лучше делить добычу на двоих, чем на троих. И Шиманский не ударит палец о палец, наоборот, со злорадной ухмылкой будет его топить. Так оно и случилось. Благодаря стараниям адвоката на Косяка повесили еще несколько аналогичных дел и дали приличный срок.

– Возможно, тебе следовало их заложить, – сказал Тарас, выслушав сокамерника. – Их угрозы могли оказаться липовыми. Во всяком случае, стоило попробовать. А так они смотаются с цацками, а ты будешь чахнуть в тюрьме.

– Я долго думал об этом, – признался вор. – И пришел к выводу: этим двоим я должен отомстить. И я это сделаю.

Мальчик скривился:

– Интересно, как?

– Я не собираюсь сидеть весь срок. – Косяк склонился к его уху: – Я убегу отсюда! Хочешь со мной?

Решеткина охватила нервная дрожь:

– Как ты себе это представляешь?

– Ты не ответил на мой вопрос. Учти, если скажешь «да», назад дороги уже не будет.

– Да! – быстро произнес Мальчик. Он тоже хотел свести кое с кем счеты.

– Тогда слушай, – и вор заговорил.

План побега оказался хорошо продуманным и весьма оригинальным. Мальчик и Косяк должны были имитировать психические отклонения, или, говоря на тюремном жаргоне, закосить под «ха-ха». К таким ухищрениям прибегали многие подследственные. Следователи понимали: это чистейшей воды лажа, но, следуя закону, отправляли арестантов на освидетельствование. Производилось оно в местной психушке специальной комиссией врачей, куда заключенных доставляли на «воронке».

– Охраны всего три человека, вооружены они только пистолетами, – заверил Косяк. – Ты драться умеешь?

– В детстве посещал секцию вольной борьбы, – обрадовал его Тарас.

– Тогда вырубишь вертухаев, и мы отберем у них «волыны».

В глазах Тараса засветилось недоумение:

– Но как я...

– Моя забота – сделать так, чтобы эта чертова машина остановилась. – Вор огляделся по сторонам. На них уже стали обращать внимание. – Хватит на сегодня, – похлопал он по плечу подельника. – В камере вечером покумекаем.

Они долго обговаривали детали побега, Косяк учил молодого сокамерника разным приемам, чтобы сразу не проколоться. Тарасу казалось: этот заветный день никогда не наступит. Хорошо подготовленный, Решеткин довольно натурально «закосил» под дурачка, и его определили на освидетельствование вместе с новым приятелем. В тот день после завтрака в тюремном дворе их поджидал «воронок». Среди арестантов, претендовавших на место в психушке, наблюдались и явные симулянты, и настоящие психи. Основной контингент составляли «нарики», у которых в результате ломки «поехала крыша». На общем фоне своим ростом и наглостью выделялись трое качков-рэкетиров: бычьи лбы, «не обезображенные» интеллектом лица, фигуры – как у горилл из зоопарка.

Лязгнуло железо, и дверь захлопнулась. Медленно набирая обороты, машина выезжала из двора. Когда они отъехали на достаточное расстояние, Косяк вдруг забился в судорогах и повалился на пол. На его пересохших губах выступила пена.

– Чего это с ним?! – испуганно спросил один из качков.

– Чего-чего, не видишь – припадок! – ответил Тарас. – От духоты и вони. Все скоро тут задохнемся от жары. Проветрить надо бы и врача вызвать!

Качок ухмыльнулся:

– Ага. Как же... Может, тебе и медсестру-красавицу за ручку привести?

Не обращая внимания на его насмешки, Решеткин забарабанил в стену кабины. Вор продолжал стонать и корчиться. Он так хорошо играл свою роль, что сидевшие в машине запаниковали и закричали охраннику, чтобы тот остановил машину. Теперь все зависело от того, поверит ли вертухай их спектаклю. Он медлил всего секунду, но потом все же нажал на красную кнопку. Машина остановилась. Лязгнула входная дверь, и в арестантский отсек заглянул старший конвоя, немолодой прапорщик.

– В чем дело? – со злостью спросил он у подчиненного.

– Не видите? Зэку плохо. «Скорую» бы...

Прапорщик не был таким доверчивым:

– Что с ним?

– Колотит его. Пена на губах выступила. Говорю, плохо ему.

– «Плохо, колотит», – передразнил его начальник. – Дай ему по морде – и все пройдет. Здесь не институт благородных девиц.

– Да сам взгляни, начальник, – вступил в разговор Тарас. – Загибается человек! Не ты ли будешь в ответе, если он помрет?

Прапорщик заколебался.

– Вы хотя бы его на воздух вытащите, – продолжал Решеткин.

Начальник растерялся. Черт его знает, что с этим зэком? Загнется еще тут, а он выговор схлопочет.

– Ладно. Тащи его наружу. Только ненадолго.

Вертухай и Тарас подхватили вора и потащили его на улицу. Как только охранник спрыгнул на землю, Мальчик что есть силы ударил его лицом о металлическую обшивку автомобиля. Не ожидавший нападения охранник обмяк и упал на землю. Косяк, которому внезапно «полегчало», подсечкой сбил прапорщика с ног.

– Бежим! – крикнул вор.

За ними устремились остальные. Но ловкий начальник караула пришел в себя быстрее, чем думали зэки. Он выхватил пистолет и выстрелил в воздух:

– Всем стоять!

Качки и наркоши замерли, а Решеткин и Косяк продолжали набирать скорость, свернув по тропинке в лесок.

– Сволочи! – Прапорщик попытался встать, но сильная боль в ноге помешала ему это сделать. Охранник все еще лежал без сознания.

– Гады! Все равно не уйдете!

Он тщательно прицелился и выстрелил. Мальчик услышал, как Косяк издал приглушенный стон и схватился на грудь.

– Не останавливайся, – хрипло подзадорил он Тараса. – Мы должны оторваться от них.

Лес становился все гуще и гуще. Решеткин приостановился, обхватил ствол старой сосны и перевел дух. За ними никто не гнался. Наверное, прапорщику помешала подвернутая нога, а охранник не решился оставить с ним остальных заключенных.

– Тихо, Косяк. Можно передохнуть.

– Дальше будет заброшенная сторожка, – задыхаясь, прошелестел вор. – Там и расположимся...

Решеткин внимательно посмотрел на подельника. Его роба заметно потемнела с правой стороны от крови. Сокамерник уже не бежал, а шел мелкими шагами, то и дело хватаясь за маленькие деревца. Наконец, он обессиленно опустился на траву:

– Больше не могу!..

– Но мы должны! – Мальчик взвалил его на плечо: – Куда идти?

– Прямо...

Скоро и Тарас почувствовал, что задыхается. Кровь Косяка заливала его лицо. Как же они не запаслись хотя бы тряпками, чтобы, в случае чего, перевязать рану? Вор то впадал в забытие, то тихо стонал.

– Пить! – шепнул он пересохшими губами.

Решеткин огляделся. Нигде поблизости не было ни ручейка, ни реки.

– А в сторожке есть вода?

– Опусть меня на землю, – попросил подельник. – Давай посидим.

Мальчик исполнил его просьбу, помог Косяку расположиться на траве. Он коснулся его лба и дернулся: зек горел, как в огне. Он нуждался в срочной медицинской помощи.

– Врача бы тебе, – сказал Тарас.

Косяк усмехнулся:

– Помнишь слова того прапорщика? «Скорая» нам не полагается. Впрочем, пока она доедет, я уже отдам концы. Я немного знаю эту местность. Здесь нет деревни, жители которой перебинтовали бы мне плечо. А это означает одно: мне кранты. В рану попала инфекция... у меня горит все тело. Я навсегда останусь здесь...

– Что ты такое говоришь?! – испугался Тарас. – Я донесу тебя до ближайшего медпункта. Все закончится хорошо!

– Нет, – покачал головой подельник. – Наклонись поближе и слушай внимательно, пока я не потерял сознание. Ты должен отомстить за меня и найти того адвоката! Запомни: его зовут Борис Михайлович Шиманский.

– Вы говорили... – начал было Решеткин.

Косяк махнул рукой:

– Найдешь его и поквитаешься за меня. Он живет где-то на пересечении Греческой и Дерибасовской улиц. Адрес не помню... Но ты его отыщешь. У него нет семьи, поэтому спокойно бери те цацки, которые найдешь в хате... Потом примешься за второго гада. Здесь

будь осторожен. Это большой человек! Его зовут... – В груди вора что-то забулькало, захрипело, губы его окрасились кровью. Он закашлялся.

Кровавые брызги попали на изумрудные листочки, и Мальчику стало не по себе. Вор силился еще что-то сказать, но из горла его вдруг широкой струей хлынула кровь, мужчина судорожно заскреб пальцами землю. Решеткин еще ни разу не видел, как умирают люди, но сразу понял: это конец.

– Имя второго... – взмолился он.

Подельник посмотрел на него угасающим взглядом, попытался подняться – и потерял сознание. Через несколько минут он скончался. Впервые за много месяцев Решеткин плакал, как мальчишка. Он потерял, как ему казалось, настоящего друга.

– Я выполню твою просьбу, – пообещал парень над могилой Косяка, вырытой здесь же, в лесу. – Я найду обоих, и они получают по заслугам.

Похоронив подельника, он дождался темноты и отправился на поиски сторожки. Вор не ошибся: заброшенный деревянный сарайчик стоял на окраине леса. В нем Тарас отыскал старую одежду, воду и немного пищи и, подкрепившись, побрел дальше. Путь его лежал в Одессу – город, где ему предстояло очень много сделать. И он до него добрался. Позади была трудная дорога через населенные пункты, лесополосы, где каждый шорох нагонял страх. Наконец, ему удалось остановить старенький «Запорожец», и какой-то словоохотливый дедок подбросил его на окраину Одессы. О лучшем Решеткин и не мечтал. Он знал: здесь, в районе новостроек, его сестра Василина проживает со своим мужем и их больной мамой. Тарас нашел нужный дом и подъезд и уселся в тени огромного вяза. Вечером Василина, обвешанная сумками, появилась во дворе. Он вынырнул из зелени и схватил ее за плечо. От неожиданности женщина вскрикнула:

– Это ты?! Зачем ты убежал, Тарас?

Он огляделся по сторонам. Поблизости никого не было.

– Посидела бы ты там хоть денек!

– Но ведь тебя поймают и набавят срок!

– Не поймают, если ты мне поможешь.

Василина поставила сумки на землю и сжала кулаки:

– Не надейся. Наоборот, я сдам тебя в полицию!

Он улыбнулся:

– Сдашь? Давай. Но прежде я войду в дом и поговорю с матерью. Она ведь не знает, что я бежал?

Сестра побелела и качнула головой. Решеткин хмыкнул:

– Так я и думал. Хочешь продлить ей жизнь – будешь делать так, как скажу я. Будешь?

Она вздохнула:

– Но тебе нельзя к нам домой.

– Нельзя, – подтвердил Тарас. – Есть у тебя на примете какая-нибудь квартирка на отшибе?

Василина задумалась. Да! Не далее как вчера ее подруга просила подыскать квартирантов в одну хибарку, доставшуюся ей от бабушки. И плата мизерная, так что можно справиться. Потянет она такую плату.

– Квартира есть.

– Хозяйке можно доверять?

– Она там не живет.

Парень щелкнул пальцами:

– Великолепно! Звони ей и вези задаток.

Василина, как робот, выполнила его приказы. Ее подруге срочно требовались деньги. И вскоре Тарас осматривал новое жилье. Старый частный дом его устроил. Правда, крыша

прохудилась и во время дождя наверняка протекала, а деревянный забор почернел и местами поломался, зато здесь его никто не станет искать.

– Завтра утром ты отправишься в «Театральную лавку» и на свой взгляд выберешь вещи, которые преобразят мою внешность, – дал он сестре новое поручение.

Она кивнула:

– Хорошо. А сейчас я пойду.

– Подожди. – Парень схватил ее за руку: – О Милке ничего не слышно?

Василина потупилась:

– Как же, выпустили эту шалаву, которая тебя засадила.

Решеткин вскочил с табуретки:

– Выпустили?!

– Конечно. Ты же все взял на себя. А она прогуливается по Дерибасовской... с видом победительницы.

Мальчик скрипнул зубами:

– Чем она занимается?

– Сказывают, промышляет на панели. Видела я ее несколько раз в районе парка Шевченко. То ли хахаль у нее там, то ли место ей приглянулось.

Тарас вдруг, неожиданно для Василины, улыбнулся:

– Вот и хорошо, что ее выпустили. Она мне еще пригодится. А теперь – вперед! Сестричка, завтра – мой первый выход в гриме.

Василина выполнила все условия брата, и вскоре из частного дома вышел мужчина средних лет, с густой рыжей шевелюрой. Клинообразная борода придавала интеллигентность его круглому лицу. Поймав маршрутку, незнакомец (а это был, естественно, Тарас) скомандовал:

– На Греческую площадь.

У него уже был готов план, казавшийся ему идеальным, теперь следовало разведать обстановку. Маршрутка примчала его в центр города через полчаса, и Решеткин уверенно начал прогуливаться по улице, где обитал Шиманский. Тарас никогда не интересовался историей родного города, иначе он знал бы, что когда-то здесь обитали греки. Разумеется, за сто лет существования площадь преобразилась. Мальчик тоже отметил эти преобразования, потому что он не бывал в центре Одессы уже несколько лет. Площадь расчертили разметкой для машин, в центре строили какой-то круглый дом. Насколько Решеткин мог вспомнить, его возводили уже два года, а до этого здание портило общую картину своим полуразрушенным состоянием. Тарас миновал окружавший стройку забор, небольшое строение – диспетчерский пункт трамвайно-троллейбусного управления – и перешел на другую сторону, к бизнес-центру «Киев». Толпа народу атаковала небольшой рынок. Кроме книг, здесь можно было приобрести кассеты и валюту. Машины всех видов и мастей занимали огромное пространство. Бросив полный зависти взгляд на дорогие иномарки, Решеткин подумал: «Если мне повезет, вскоре обзаведусь такой же». Парень вышел на Дерибасовскую, пробиваясь сквозь ряды празднично шатавшейся публики. Как же отыскать дом, в котором живет адвокат? Ему помог случай. Двое прилично одетых мужчин, стоявших у крутого джипа, обсуждали недавнюю деловую сделку.

– Шиманский сказал: документы в полном порядке, – заметил один. – Тендер наш.

– Он привезет их? – спросил второй.

– Не сомневайся. Сейчас спустится. Вон его квартира, – мужчина указал на окна третьего этажа серого трехэтажного дома. – А вот и сам Борис Михайлович!

Тарас отошел к лотку, где торговали мороженым, и с любопытством всмотрелся в лицо человека, ставшего невольной причиной смерти его сокамерника – и освобождения самого

Мальчика. Адвокат действительно смотрелся очень импозантно, его умное лицо вызывало доверие. Впрочем, чуть раскосые темные глаза говорили о другом. Этот человек был способен постричься в монахи, организовать революцию, стать во главе криминальной организации, убить собственную мать – и рыдать над ее трупом. И его широкая улыбка, демонстрировавшая превосходную работу дорогого зубного врача, не могла обмануть Мальчика. Поздоровавшись с обоими предпринимателями, Борис Михайлович поинтересовался:

– Почему же вы ко мне не зашли? Саша, ты же знаешь код. И номер квартиры я тебе говорил – десятая.

– Жарко, – отозвался бизнесмен постарше. – Принес бумаги?

– Конечно. Никто не подкопается.

Борис передал мужчине увесистую папку и получил конверт. Парень догадался: там гонорар за выполненное поручение. Адвокат явно преуспевает, живет на широкую ногу. Вот почему он спокойно отберет у него драгоценности и, если надо, лишит его жинзи. Такие люди не вызывали у него сочувствия. Шиманский попрощался с клиентами и направился к своему дому. Мальчик еще немного потоптался у лотка и пошел к остановке маршрутных такси.

Парк имени Шевченко, самый большой в городе, со множеством красивых зеленых аллей, так любимый всеми одесситами, раньше назывался Александровским. Когда-то император Александр II основал этот парк, посадив в нем первое дерево. Многие жители города выбирались сюда на выходные, чтобы побродить над обрывами, полюбоваться морским портом, который отсюда был виден как на ладони, или чтобы спуститься по асфальтовой дорожке на пляж Ланжерон, с его кристально чистой водой и желтым песком. Мила обожала его по другой причине. В парке можно было найти много заброшенных местечек времен тридцатых-шестидесятых годов прошлого века, поросших бурьянами. Помимо старинных фонтанов и полуразрушенной танцплощадки был там и Зеленый театр, прямо под открытым небом. Если кому-то остатки театральной сцены напоминали о былой красоте парка и о том, что эти стены принимали Райкина, Утесова, Пьеху, Водяного, то для девушки развалины предоставляли прежде всего укромные уголки, где можно было оказать услугу клиенту. Вот почему Мила обычно неторопливо прогуливалась по окрестностям, бросая жадные взгляды на одиноких мужчин, и бывала вознаграждена....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.